

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ

О ШИНУАЗРИ В ИСКУССТВЕ

КИРА ДОЛИНИНА

— Франсуа Буше,
«Китайский сад»,
1740

Chinoiserie (шинуазри) — это не стиль, это болезнь. Большая европейская болезнь, принесенная восточным ветром во второй половине XVII века и не излеченная до сих пор. Болезнь заразная, с вспышками и затишьями, с обширной географией, от Палермо до Санкт-Петербурга, видоизменяющаяся и при этом неизменная в своей способности заражать и очаровывать. Цветы и птицы, драконы и соломенные шляпки, бумажные зонтики и чайные домики, пагоды и ширмы, шелка и лаки и фарфор, фарфор, фарфор. Все это хотя и имело совершенно определенные источники благодаря в избытке завозимым восточным сокровищам, но в европейском изводе стало жить своей совсем отдельной жизнью — стало мифом о волшебном Китае («Катае»), к реальному Китаю отношения почти уже и не имевшим.

С чего точно все началось, сказать, конечно, нельзя. То ли голландская тюльпаномания разрушила представление европейцев о ценности симметрии и подготовила почву для обостренного восприятия упоительно асимметричных китайских рисунков. То ли привозимый на кораблях португальцев, голландцев и англичан, прежде всего Ост-Индской компании, чай изменил не только вкус, но и быт падких на модную новинку сибаритов. То ли (и не в последнюю очередь в прямой связи с чайным бумом) стремительно завоевывавший умы, столы и посудные шкафы Европы фарфор стал последним аргументом, но факт остается фактом: к началу XVIII века Европа пала перед, как ей казалось, утонченной, изящнейшей, загадочной, сладостной, несуетной культурой Китая. Вернее, того, что она себе об этом «Катае» напридумывала.

— Афиша
с изображением
Китайского павильона
на Всемирной выстав-
ке в Париже, 1900

— Настольные часы
в китайском стиле,
Cartier Paris,
середина 1920-х

Источников для непосредственной информации о Китае у европейцев было не так уж и много. Вот уже три века чуть ли не главной книгой о Большом путешествии оставалась «Книга о разнообразии мира» Марко Поло — текст настолько же увлекательный, насколько и неточный. Проживший в Китае 15 лет венецианский купец мало того что не сам свою книгу сочинил (она записана по его рассказам его сокамерником по заключению в генуэзской тюрьме), так еще и сидел все эти 15 лет под крылом обособленной от внешнего мира монгольской администрации Китая, и, собственно, быт и нравы настоящих китайцев ему были неведомы. И то если он вообще там жил — даже этот факт ставится под вполне обоснованное сомнение.

Главным же источником знания о далекой прекрасной стране были привозимые оттуда товары. Купцы и моряки, конечно, могли многое рассказать, но и их впечатления были весьма отрывочные. А вот вещи говорили со своими новыми хозяевами столь долго, сколько хозяева этого хотели. Вся европейская китаемания, весь стиль шинуазри, построена на этом вымышленном диалоге Европы с Китаем.

Европейский Китай — это райский сад: неведомые цветы и птицы, тихие прекрасные девы, загадочные старцы, горы и пагоды, изысканно изогнутые деревья, странные танцы, яркие краски, горные реки, звон фарфора. Об этом главный «китайский» текст европейской литературы — пьеса Карло Гюцци «Сказка о Турандот, принцессе Китайской». Об этом же и вольтеровский «Китайский сирота», даром что написанный по мотивам подлинного переводного китайского текста «Сирота из дома Чжао» Цзи Цзюньсяня. Это наваждение длилось так долго, что почти полностью вошло в уста рассказы-